

москoвские
ПОЭТЫ

МАРИНА КУДИМОВА

Душа-левша

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2014

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
К 88

Кудимова М.В.
К 88 Душа-левша. *Стихотворения*.
М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. – 72 с.

ISBN 978-5-91366-863-9

Новая книга известной российской поэтессы Марины Кудимовой даёт возможность познакомиться с её новыми стихами. Как всегда, в творчестве поэтессы раскрываются смыслы и ритмы современной действительности на фоне яркой образности и выверенности художественных средств. Стихи Кудимовой – это лирическая исповедь с захватывающим сюжетом. Книга будет интересна всем любителям российской поэзии – как давним почитателям таланта Марины Кудимовой, так и тем, кто откроет её мир для себя впервые.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-91366-863-9

© Кудимова М.В., 2014
© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2014

* * *

Вкруг рта усугубляют алость
Закушенные удила.
Душа смиренная осталась,
Душа смятенная ушла.

Сперва поблизости бродила,
А после подалась блуждать
И всех на грех опередила,
Чтоб никого не осуждать.

* * *

Почему так долго и нестройно
Между нами возникает связь?
Где твои выигранные войны,
Чужеземьем соблазнённый князь?

Или время года, время века
Огибает наши терема
И душа чиста, как нержавейка,
Без лица, объятая и письма?

Будет в небе отдаляться клёкот.
Осени сырая подоплёка
Примется крестьянам досаждать...
Старятся умеющие ждать.

...А потом укоренится стужа,
Будет снег визжать, как тормоза,
И у необманутого мужа
Навернутся слёзы на глаза.

* * *

Господи, Тебе видней
Из предвечного предела,
Но не надо двух огней,
Чтобы тьму я углядела.

И смертей не надо двух, –
Соглашаюсь на однажды.
Либо голос, либо слух,
Либо голод, либо жажда.

Самолёт

...Самолёт уже взлетает,
Будто бы альбом листает:
В слой о левой о руке –
Рерих, Нестеров, Марке.
Левое плечо немеет...
Самолёт взлетать умеет!
С гаком в тридцати годах
С техникой я не в ладах.
Сплю. Проснусь – не рассветает...
Самолёт уже взлетает –
Более того – летит, –
В ухе ветер и отит.
Небрежёт сосед соседом,
Не рисуется за следом
Конденсационный след...
Сохраняйте свой билет!
Сколько трепетных традиций
Над моею головой!...
Самолёт уже садится –
Древний, турбовинтовой.
Жизнь уходит, снег не тает –
Самолёт уже взлетает,
И по взлётной полосе
Я бегу во всей красе.
Этот рейс неоднократно
В чьей-то застревал праще –
Не туда и не обратно –
Вообще.
Время дырок не латает,
Самолёт уже взлетает,
Ни на миг не времения.
Без тебя.
И без меня.

* * *

Никаких не вчиним неподобств –
Ослушанья, кощунства, побега.
Так больной отрицает погост
При наличьи иного ночлега.

Что даётся, то дадено впрок
За родное, за буднее иго.
Ты – издание, где всё между строк,
Ты – моя Голубиная книга.

Не унизились мы до обид
На всеобщие узаконенья.
Просто сердце зашлось – и стоит,
И ему не найти примененья.

* * *

Граждане Калé и Васильсурска
Вырвутся из пьянки и родни
И, не попрощавшись, вознесутся...
Мы с тобой останемся одни.

И тогда иной получают транспорт,
Выпрягутся вон из волокуш
Вбитые одним гвоздём в пространство
Кочевые маятники душ.

Что мы будем делать на свободе
И в каком саду гнездовье вить,
Ежели при всём честном народе
Не умели их остановить?

Или наотрез сбивались с галса,
Или упали наповал.
За тобой никто не угонялся,
И за мной никто не попевал.

...Будем дожидаться урожая,
Поплывём среди земных зыбей,
Никому уже не угрожая
Подлинностью горнею своей.

* * *

Только будущий, сведущий знает
Острогранный разлом бытия –
Дом, в котором тебя проклинаяют,
Дом, в котором возносят тебя.

Адрес есть у Бедлама, Содома,
У родства – ни казны, ни цены,
И усилия первого дома
Безусильно на нет сведены.

Даже в топlosti града Петрова,
Чьей любви заслужить не дано,
Откровение дома второго
Нерушимо и соблюдено.

(А казалось, не смыть и геенне
Кровопуск обоюдной борьбы!)
На сращенье обоих строений
Нам, увы, не хватает судьбы.

В это зодчество и созиданье
Столько вложено – не передать!
Потому-то на наше свиданье
Мы уже не вольны опоздать.

* * *

Поворот ключа в замке,
Тайная его природа...
Нет ни в стуке, ни в звонке
Этакого поворота.

Поворот в замке ключа –
Подаётся двери глыба...
Судорога вдоль плеча –
Как разминка перед дыбой.

В укрощённом сквозняке –
Запах тюрем и окраин...
Поворот ключа в замке
Значит, что пришёл хозяин!

* * *

Вместе и по одному
Средь удолий и угодий
Не изменим ничему –
Даже пушкинской погоде.

И пребудет всё точь-в-точь –
Без опоры под пятою.
...И вакхическая ночь
С византийской запятою.

* * *

Там не была.
Тут не поспела.
Сколько могла,
Столько терпела.

Мзды не брала,
Льгот не имела –
Сколько могла,
Сколько умела.

То ли спала,
То ли летела –
Сколько могла,
Сколько хотела.

Не небрегла
И не корпела...
Столько терпела,
Сколько могла!

* * *

...И охладела я великим охлажденьем,
И гордость разлилась, что вешняя река.
Как предаётся мир истошным наслажденьям,
Так предавалась я всеведенью греха.

А жизнь как бы извне пришла, растормошила,
И стало горячо на грани забытья.
Жалею обо всём, чего не совершила,
И не стыжусь всего, что совершила я.

* * *

Я – здоровая, даже живая –
Хлопну створом последних дверей –
И как будто уже забываю
Твой египетский вырез ноздрей.

И уже тяготеет нормальность,
Сочетает с вопросом ответ.
Наступает иная реальность –
Выступает углами конверт.

Или время тебя затеняет,
Заливает, как ссадину йод,
Или Бог меня так сохраняет,
Что и снов о тебе не даёт.

* * *

Без начала, без конечка,
Без конечика –
Три колечка, три колечка,
Три колечика.

Посеребрено колечко
Укатилось за версту:
Ему маяться полегче
На другом персту.

А колечко позолочено –
И кто ему судья? –
Плат пуховый приохочено
Пропускать через себя.

Лишь червонное колечко
Уготовано навечно –
Вокруг пальца обвело,
Лютым гадом обвило.

Соблазн

И мельничный жернов пленял,
И хворост, уложенный в срубе...
А тот, кто меня соблазнял,
Он попросту думал, что любит.

И тщетно выискивал лаз
В моих крепостях, бастионах.
И плакал натужно соблазн,
Как будто голодный ребёнок.

И я полюбила его,
Сломав эталонную меру,
Любовью аббата Прево
К чувствительному кавалеру.

И за благодатью закон
Нырнул, точно в шахту колодца,
Впервые уверясь, что он
Один ничего не добьётся.

И – будто бы из-под ножа
Я выскользнула середь ночи,
Себе перебыть полага
Со всеми, кто этого хочет.

А тот, кто меня соблазнял,
Светился рассеянным светом,
И мне ничего не вменял,
И не затруднялся советом.

* * *

Чтоб числили по отчеству,
Чтоб не юлило навьице,
Не так живи, как хочется,
Не тех люби, кто нравится.

Но впусте мне наскучило,
И цвет пустила примула.
Из шапки крайних случаев
Я запредельный вынула.

И – мирозданьем длимое, –
Как невидаль, как новшество,
Звучит неутолимое:
Как

ты

ко мне

относишься?

* * *

До тебя семь вёрст не околица –
Что рядиться нам о веках!
Надувается, колоколится,
Измеряется в сквозняках
Безраздельное расстояние,
Испытанье на сгиб локтей, –
Всё запретней и окаянное,
Незапятнанней и святей.

Нам на цвет никто не товарищи,
Но товарищи нам на вкус
Целования урывающие
Сгустки судорожные уст.
Этот вкус запью ли, заем ли
Уж не нынешнею зимой...

Восприми меня, восприемли,
О сямский подкидыш мой!

* * *

Жизнь – сужающаяся возможность
Остаться ни при чём.
Шанс наипоследний впасть в безбожность
Обречён.

И с ума теперь уже не спятить,
Чтобы ненароком на беду
Имя собственное не растратить
И не разгласить в бреду.

Попущенье или же оплошность –
Друг от друга нас не оттереть.

Жизнь – использованная возможность
Умереть!

И ночами звяцают кимвалы,
Благовестит телефон с утра.
И стоят твои инициалы
Во главе угла.

* * *

Разверзается зимний Никола,
До верхушек снегами достав,
И баржѹ мою гонит с прикола,
И ломает она ледостав.

Я судьбы пробегая аллею.
Я почти ничего не боюсь.
Я ни капли тебя не жалею
И с душой твоей не расстаюсь.

Ты собою края зашиваешь
Предназначенной мне полыньи.
Ты впоспех мою жизнь проживаешь,
Превосходишь страданья мои.

Я такой не отвергну заступы!
И, пока меня клонит ко сну,
У любви нашей режутся зубы
И твою разрывают десну.

* * *

Природа кладёт запрет
И делает реверансы...
Количеством сигарет
Не меряется пространство.

И ты заведёшь семью,
Обтерпишься, сменишь климат,
И эту епитимью
Вовеки уже не снимут.

Мне скучен людской устав
И все церемониалы...
Прошу об одном: оставь,
Оставь хоть инициалы!

Пойдёт разнотравный луг
Под синтез и под анализ,
Но с этих зубчатых букв
Мы некогда начинались!

* * *

Зачем употребляют ложь?
Всё видно, будто на юру...
Так и живи, как ты живёшь.
Я буду жить, как и умру.

И волос бел, и голос толст,
И сад крапивою зарос,
И перед этим что поврозь –
Не большее из неудобств.

* * *

Женихи бегут к невесте,
Подданные – к королю...
Почему нельзя быть вместе
С тем, кого люблю?

Только столпник, только робот,
Трансцендентный имярек
Переможет этот ропот,
А не смертный человек.

Голос мужества и чести
Сводится к нулю, –
Почему нельзя быть вместе
С тем, кого люблю?

Под ногами склизнет глина,
Стёжки развезло.
Значит, непреодолимо
Множественное число?

Вас, кто были и кто есте,
Разве обделю?
Вот уж сойдётесь вместе
Все, кого люблю...

* * *

...Итак, продолжим плаванье, скитанье,
Где нас подстерегают испытанья,
Прощай, свиданий тайных кабинет!
Страсть алкоголем ревности бодрите,
Но только никогда не говорите
О верности – такого слова нет!

И всякое обречено влеченье
На вечное самообеспечение,
И нечего возлюбленных пытаться.
Вот так колодники при Иоанне
На площади просили подаянья,
Чтобы себя в узилище питать.

* * *

И нанялся дождь воды натолочь,
И тьма на стекле гадала,
И время не шло, и сердце всю ночь
Взмывало и опадало.

И будто с цепи рвалось естество
Искать до изнеможенья
В знаменьях судьбы следы твоего
Преддверия, приближенья.

* * *

Осени хотелось – не воды,
Утренником тронутой, не ранней.
На листе, как на стекле, следы
Твоего и моего дыханья.

Памяти хотелось.

Не стремглав, –
Обстоятельств мимики и речи...
Лица застилающая мгла,
И платок, наброшенный на плечи.

Смелости хотелось – не бравад,
Ради правды, по которой мёрзла...
Крупка снега на твоих бровях,
Поднятых, как при отплытьи вёсла.

* * *

Рапсодия звонка ночного!..
Спросонья вспыхнешь, как берёста:

О Господи! Неужто снова
Туда, где мук не оберёшься?!

А памяти широкий полоз
Уже отмерил половину
Дороги, что ведёт на голос,
То ли хмельной, то ли повинный.

И реставрировалась рая
Разрушенная панорама...
Серьёзные не умирают, –
Так успокаивает Дхамма.

И я, как возле залы бальной,
Гашу дыханье у дверей
Кухмистерской полуподвальной
В Ингерманландии твоей.

* * *

Уходя, возвращайся...

С глаз долой,

да из сердца не вон.

Поезд дёргается натужно...

Не на собственной шкуре опробован разве канон:

Вместе тесно – врозь скушно?

Вновь тебя приглашаю не к дачному гамаку,

Не к шалашному раю,

Но когда говорю, что я жить без тебя не могу,

Это значит, что я умираю.

* * *

Просыпаюсь в час Дракона,
Уловляю звуки.
Выношу из в них чакону
Боли и разлуки.

Над клавирной страницей
Плачу поневоле
Нерадивой ученицей
В музыкальной школе.

Накануне продолженья
Прерванного рая
Я, как Лист, переложенья
Взапуски играю.

Скоро, будто хризантемы,
Вьюги замахнутся,
И возобновится тема,
Но без вариаций.

И наметятся раздоры,
И запахнет кровью...
Приходите, зимогоры,
К моему зимовью.

Эндимион

Неприступною дочерью Лето
Под пещерный проскальзывать свод.
Тридцать лет целовать без ответа
Ото сна припухающий рот.

Тридцать лет к роковому желанью
Самое же себя ревновать,
Паутину рукой разрывать,
Хлеб делить со священной ланью
И опять целовать, целовать.

Тридцать лет с наважденьем бороться,
И вернуться, и выбежать вон.
И заведомо знать: не проснётся
Спящий юноша Эндимион.

* * *

В молчании отчествована,
Как на струне рояльной,
Трагедия вещественна –
Не просто матерьяльна.

Доплыв, без промедления
Расстались аргонавты.
Что до возобновления –
Идея выше правды.

Хоть с разрядкой молниевой
Бог из машины вылез,
Любовью неисполненной
Мы не испепелились.

Трагедия массивнее
Руины и химеры...

Поныне в магазине я
Смотрю твои размеры.

* * *

Вдова и невеста, ни разу – жена,
Я всем животом от тебя тяжела,
И слёзы натуги мне ширят раскос,
Когда подмывает со дна токсикоз.

Я жилой верёвочной и нитевой
Клянусь: не бывало меж нас ничего.
Лицо закрываю и криком кричу –
Ведь вот оно как быть твоей не хочу.

Но где бы, когда бы и чем ни жила,
Я

всем

животом

от тебя

тяжела!

* * *

Втяну, привставши на носки,
Потустороннюю прохладцу...
Пусть там не видать ни зги!
Смерть – тоже способ повидаться.

В гроб, точно ива в водоём,
Клонюсь, клонюсь – и всё мне мало.
С тех пор, как не были вдвоём,
Я головы не подымала.

Едва ли вживе был ты ближе,
А вот сейчас – заподлицо.
Смотрю на мёртвого – и вижу
Перемещённое лицо.

* * *

Две супружеские пары,
Избегавшие страстей,
Урезонивали свары
Расходившихся детей.

Дети взрослых раскусили –
Так уж водится у них:
В унисон заголосили
И испортили пикник.

Не постигли этой кары,
Отупев с недавних пор,
Две супружеские пары –
Все верны, как на подбор.

Луку нащипали с грядки,
Хлеб нарезали ржаной.
Не играет в переглядки
Муж чужой с чужой женой.

Это, видимо, спросонья
На семейном пикнике
Дочь твоя твоей ладонью
Водит по моей щеке...

* * *

В пустынных небесах седьмых,
Цементом взявшихся,
Не различаю я своих
Несостоявшихся.

Не сообщаются они,
Не совещаются,
Но вдруг становятся сродни
И совмещаются.

Жизнь, отжитая допуста,
Боль отболелая
Сомкнёт плацкартные места
В сплошное целое.

И примется оно топить
И обволакивать,
Судя со всеми сразу быть
И всех оплакивать.

* * *

Точно грешника в ад,
Гонит пройденным трактом.
Не пора ли впопят –
Поглядеть, что и как там?

Прочешу сухостой,
Обносившись, как хиппи,
И с собой холостой
Перемолвлюсь на всхлипе.

Подмело, как хвостом
Оборотистым лисьим,
В этом месте пустом
Даже клочья от писем.

Но придётся дружить
С прошлым, как с настоящим.
Завсегдаем жить
Или гостем стоящим.

* * *

Ведёт нас тайна тайная
И сдерживает вскрик,
Как линия трамвайная,
Где неожидан стык.

Слепыми в нашей скинии
Смещён кривой король,
И потому на линии
Отсутствует контроль.

Ты, леченый и порченный,
Сперва себя спасай:
Держись, держись за поручень,
Всей массой повисай!

У мятого и клятого
Нейди на поводу,
Предупреди вожатого –
И прыгни на ходу!

В пути

Сходящаяся рельсов сталь –
Оптический обман.
Ты вспомнишь каждую деталь,
А я – лишь крупный план:

Твой прерывающийся сон
С измученным лицом,
Дождь, залетающий в вагон
Отбившимся птенцом.

Спиртовка моря среди тьмы
И неба пелена...
На мир покуда смотрим мы
Из одного окна.

* * *

Как на запах кошачьей мочи муравей –
И как кошка за муравьём,
За цепною реакцией жизни моей
Я спешу – так спешила вдвоём

С тем, кто путал порядок на каждом шагу –
Лево-право, продай и купи –
И кого я никем заменить не могу
В разошедшейся рыхлой цепи.

* * *

Заздравный он был, вивальдический,
Настолько не мысля иначе,
Что даже конец свой физический
Не мраком, а миром означил.

Раскованно жил, неопасливо
И так убеждающе кротко,
Что все его женщины счастливы
Потерей на равных с находкой.

* * *

Когда этот облик откроется вам,
Невольно протянете руки по швам.

И не разобравшись: ацтек или аскет,
Немедля на этот нахлынете свет.

Так было уже среди белого дня
Со мною и с теми, кто лучше меня.

Как будто взревела труба: Р-ра-та-там! –
Наверх вы, товарищи, все по местам!

И липли, и гибли на этом свету,
А после скрывали, как свадьбу в скиту.

А после дичились, и всё потому,
Что не предназначен был свет никому.

* * *

Кричит о бдении великом
Успенью честному назло
Обезображенное тиком,
Уже любимое чело.

На нём как бы печать Лицея,
Избранничества забытьё,
И чисто русская раця:
Чужое ближе, чем своё.

* * *

Надзора большая волна устрашилась,
Смотритель покинул маяк.
Судьба есть решение, и я разрешилась,
И плод идеально двояк.

Избавясь от ветхозаветного гнева,
Доходчивее говорю:
Соперницы-сёстры, София и Ева,
Придите – я вас помирю.

* * *

Грех – это мера одиночества.
Нет праведничества на всех.
Рискнувшему на иноходчество
Во вспомоществованье – грех.

Что устоявшему в прощении!
А падшего суди молва...
Благодарю за попущение –
Его заботами жива.

* * *

Чтоб ни в чём не возникло убытка
И земля не поверглась вверх дном,
Продолжается вечная сквитка
Двух начал в пересчёте одном:

Непорочной природы святыни,
Воплощённой без помощи рук,
И жестокого девства гордыни,
В наказание лишённого мук.

Прощенье

Суверенного дара прощенья
Оттого не доверено мне,
Что прощенье бывает, как мщенье,
Где прощённому хуже вдвойне.

Не униженный и не прельщённый,
Пусть на воле, как конь среди трав,
Хорохорится мой непрощённый, –
Всё равно ведь он в чём-нибудь прав.

На груди своей руки скрестивши,
Пусть уснёт он, как я не спала.
Доверяю себе, непростившей:
Я ему не соделаю зла.

Я обиды в душе не растила,
Ухожу, никого не виня.
И за то, что я вас не простила,
Умоляю, простите меня!

* * *

От телефонной лжи до лжи постельной
С чужих судёб и с уст чужих снята,
Ты выглядеть умеешь неподдельной —
В тебе я не ошиблась, Красота!

До мякоти в зажатый створ ракушки
Я нож разоблаченья не сую.
Сквозь лаковый налёт и побрякушки
Провижу я трагедию твою.

Ты прочь идёшь, но не проходишь мимо,
Чтоб не задеть и не разбередить.
И есть ли изошрённей пантомима,
Чем за собой пожизненно следить!

* * *

...Мы гуляем сверху донизу
Под ручку, например.
У тебя власы Адониса,
А нация – ибер.

А моя какая нация –
Ни дома, ни гроша?
Наособь координацию
Сладила душа-левша.

Ты не стискивай, не сковывай,
Пусти летописать
В неснесённую Московию,
В укрomный палисад.

За Таганкой речка-Яуза,
В Останкине сирень.
Получаю письма-кляузы
Почти что через день.

Не гадали – просто дóжили...
Сыму с гвоздя пращу:
Прощевайте, достодолжные, –
На вас ли я взыщу!

На разлуку камень выменян –
Пуста моя праща...
Милый с кашляющим именем, –
Уволь, прости-прощай!

Впрямь, и некого винить!
Память – белая финифть...

* * *

Спасибо, аскеза, система табу,
Спасибо, привязанность, что повидались,
И вот – отпускаеши ныне рабу,
И я уже смутую не оскандаюсь.

Теперь «да» и «нет» говори, говори
И чёрное с белым охапкой бери,
Но рабство досадно, и рвётся на волю
Заманчивый мелос гневливых тирад...

Так даст отыгратся артисту театр
За непоправимость его кинороли.

* * *

Мы плачем и не унимаемся
В ночь свадьбы на осенней тяге.
Мы греемся – не обнимаемся,
Храбрящиеся доходяги.
Испелась наша песнь до фистулы,
Душа висит на нитке в теле.

Пять лет водили нас без выстрела,
И, не снижаясь, мы летели.

Пространство уступило времени
Двух отощавших диких уток,
И, как бы в виде замирения,
Нам дали сесть на двое суток.

Держались сутки или около,
А далее не потянули –
Уснули, как живые, чмокая
И ужасаясь, что уснули.

Ты молишься, дыша мне в волосы,
Чтоб языки не заплетались,
Но к нам идут сквозь лесополосу
И требуют, чтоб разлетались.

И, к изумлению всеобщему,
Нас удручает расставанье,
И, кажется, впервые ропщем мы,
А это – признак оживанья.

* * *

Возникай, циркулярная мука,
Начинай потихонечку петь.
На игле твоего ультразвука
Я готова сидеть и корпеть.

Без подсчёта расчёсов, зализов
Дам насытиться как на убой.
Принимаю твой зуммерный вызов,
Отвечаю бессонной борьбой.

В ложе тьмы, как в глубокой галоше,
Будто в жмурках – на ощупь искать
Или хлопать и хлопать в ладоши –
Лётной выучке рукоплескать.

Становись беззаконней, безвестней,
Невесомей, паря надо мной,
О, любовь – комариная песня,
Зыбкий зов серенады ночной!

* * *

Хочешь знать обо мне ещё больше? Изволь!
Я живу как в открытом окне.
Проверяются имя мое и пароль
На сиреновом влажном огне.
На такой глубине совершается боль,
Что наружу выходят лишь камень да соль,
Лишь безмолвие рвётся вовне,
Создавая отскок, рикошет, карамболь...
Что ещё хочешь знать обо мне?

* * *

Мне всё равно, с какого языка
Тебя перевели...
Манежная предснежная тоска
От неба до земли.

Ноябрьская сажевая плоть,
И лишь душа с мыска
Белеет, как посоленный ломоть
В котомке бедняка.

Она одна и зрячим не видна,
И плачет, ё-моё.
Неужто плесень — или седина —
Пробила и её?

Простим брыкуню за последний бзик,
Дадим перегореть.
Мне всё равно, и на какой язык
Перетолмачат впредь...

Вот-вот занижут край над этой мглой,
Над бездною курной
Метельною, нательною иглой,
Позёмкою свивной.

* * *

Нам не хватало на такси,
И мы в окно слетались к чаю.
Скучала ль ты? — меня спроси,
И я отвечу: и скучаю, —
Но вряд ли по тебе, мой друг,
Опившись зельем забытущим...
Я шлю благословенье ждущим
И чающим! Таких наук

Не превзошла — не обессудь.
Но тою мутною зимою
С глициниевой бахромою
На скользкий путь, трамвайный путь,

На узкий заглублённый рельс,
На подколёсник маслянистый
Легко вставала, сноровисто...
И разве я из умных эльз,

Чтобы толкать беду плечом
И наперёд будить немилость?
Мне полной мерой обломилось,
И молодость тут ни при чем.

Скучаю только по руке —
Ещё с обводкою объятья,
Уже парящей налегке,
На реактивном сквозняке,
На грани счастья и проклятья.

* * *

От прибрежной своей полосы,
От косы, что от уха до уха
Улыбается влажно и глухо,
Наберись неподъёмного духа —
Никогда не смотри на часы.

Ты, как прежде, не здесь и нигде —
Блазнишь, дразнишь и дачься едва ли.
Ты всё ближе, всё ближе к воде, —
Шаг ещё — поминайте, как звали!

Ну как знаешь: не хочешь — не снись.
Всё проходит, и это не вечно...
Не смотри, не смотри — отвернись:
Там идёт запрещённое нечто.

Там в артельный большой котелок
С пенным супом чужих суеверий
Брошен пряностью наш каталог
Предыдущих прохватистых серий.

И, к слиянию с небом гребя,
Где вода как расплавленный барий,
Не смотри, умоляю тебя, —
Скуден кадр, и бездарен сценарий.

Это чтобы управить тоской,
Плетью щёлкает высокомерье.
Это ветер сугубо морской, —
Я нечаянно хлопнула дверью.

* * *

Рук в мольбе тиарой не складывала,
Не поплёвывала через плечо,
Но на каждый пустяк загадывала,
Что увижу тебя ещё.

Я в себе, как в лавке посудной,
Тщила вечное не побить.
Я любила, ибо абсурдно
Было видеть — и не любить.

Я тебя по углам не скрадывала,
Но в безвылазной меледе
Я на тёмной воде загадывала
И на огненной на воде.

А когда только тень покачивалась,
Только зыбка — или ладья —
Лунным стоном твоим просачивалась,
На него я не оборачивалась —
На него отзывалась я.

Знаешь, сколько разобиделись,
Этим эхом соблазнены?
Что за жертвы принесены,
Чтобы мы с тобой не увиделись?

Ведь по нашей однокоренности
В обезумевшем казино
Ставки делались... Но о ревности
Ничего мне знать не дано.

Лишь вцеплялась в рукав репейником
Благовещенская ветла...
Рыбья кровь твоих европейнок
По сусалам моим текла.

* * *

Устами нанесённый алыми,
Ожог засох — тавро осталось.
Ведь знаешь ты, что ритуалами
Я никогда не соблазнялась.

И всё же зарекаюсь вздрагивать
При встречах, бороздами лоб свой
Пластать... Примусь волынку тягивать,
Не причиняя неудобства

Тебе... Но если, Кто заведует,
Нас без плацкарты на вокзале
Не бросил, попрошу как следует,
Чтобы не сильно наказали

Тебя: чтоб призраком являться я
Не смела в перекрестье рамы,
Чтоб жертвы или спекуляции
Нам не извлечь из этой драмы...

А ты ответно в осень охряную —
Хоть это и не очень срочно —
Не приходи ко мне на похороны
И не оплакивай заочно.

* * *

Я ни с чьим не спутаю этот рот
На кону последнего целованья,
Сколь ни втянет общий водоворот
В круговое улово расставанья.

И когда с последним лязгом засов
Отсечёт от времени сикось-накось,
Я ни с чем не спутаю этот зов,
Тонкий сон, сиамский био-танатос.

* * *

Это руки твои всё слышны,
Расплавясь на свету, как мембраны.
Это речи, чисты или бранны,
На ветру щекотны́ и смешны.

Ну, должно быть, октябрь:
Семь погод
Ножки свесили с лавки садовой
И свои небольшие содомы
Уложили на грудь, на покой.

Это падаю навзничь, навзрыд,
Чтоб нестриженный помнить затылок
И картечинки ягод застылых,
По десне покатав, не разгрызть.

Повторись, мой любимый, во всём,
Головой приникая к ключице
Всякой женщине, что приключится
Над твоим посторонним лицом.

Горло шарфом укрой, засвисти,
Не сменись ни в улыбке, ни в кашле.
Пусть и мне позавидуют:
Как же
Умудрились Вы это снести?

Хорошо б умудриться и впредь!
И, кивая той женщине лёгкой,
По причёске, по сгибу у локтя,
Несомненно тебя усмотреть.

И целую слова с твоих губ –
Да не лопнет пузырик сквознейший.
Оставляю их милым, позднейшим
В октябре.
И уже на снегу.

* * *

В антракте, в провинции, в зябком углу,
Где плесень не знает о пенициллине,
Хозяйки уже огурцы посолили
И тмином сорили на грязном полу.
И было доступно газет не читать,
Не печься душой о страдающем брате,
Но лишь хлопотать, что тебе я чета
Не столько в провинции, сколько в антракте.

Друзья уловили, как воздух остёр,
Про климат сказав назывным предложеньем,
И стали просить наш роман с продолженьем,
Чей «выпуск» пока придержал киоскёр.
На что уж меньшая любовь удалась
Такой вот троюродной и малокровной –
И то засочилась, как вырванный всласть
Дантистом-крестьянином корень морковный.

Но как, мой подкидыш со стрижкой приютской?
Твои имена ни за что не поются.
Друзья у буфетной жуют «со всех ног» –

В антракте, в провинции третий звонок.

* * *

Не надо вспять. Уже теперешнее.
Там – по живому тракт, как санный.
Ты знаешь что?
Теперь – побережнее.
И знаешь как?
В одно касанье.
Тот малонер со зраком суженным,
Обкалывавший, как зубило,
Совпал с ласкающимся, суженым,
И я бы всё перезабыла,
Да что поделаешь, что оба родня,
А брать не по карману двух им!
За предыдущего и оборотня
Я поплачусь единым духом.
Пусть новая, хоть и ворованная,
Душа, в своём кутке обникнув,
Причмокивает, вроде рёва она
И вроде с куклою в обнимку.

* * *

Средневекового мышленья
Круг замкнут и неумолим,
Но чувствую благоволенья
К несообразностям моим.

И, несмотря на первородный,
Из первых рук вменённый грех,
Я чувствую, что я свободна
Для каждого и ото всех.

И знаю я, что мать Ева
Когда-то будет прощена
У перевёрнутого древа,
Чья крона вниз обращена.

* * *

...И станет когда-нибудь наоборот:
Наследует вечный престол не урод,
А ты, совершенное детище,
Но долго об этом придётся просить,
И мыкать нужду, и носить – не сносить
Всё то же убогое вретиче.

И ты, может статья, объятья со плеч
Стряхнёшь, чтоб себя по-земному развлечь
Какой-нибудь сварою кастовой.
Запомни, что я никого не держу,
Запоров не ставлю и рук не вяжу
И не запрещаю выпрастывать.

Но я отвечаю своей головой,
Что мы не уложимся в день световой,
Пока прохлаждаются лешие.
И – лишь бы моя не иссякла тетрадь,

Тогда тебе некуда будет удрать
И ты не зачахнешь в безгрешии.

* * *

Безлошадный топтатель обочин,
Путешественник в позавчера.
Хорошо августовские ночи
Вот с таким коротать у костра.

Хорошо, бестревожно, безвидно
Прижиматься спиною ко дну.
И, пока ещё лето ликвидно,
Он меня не оставит одну.

Хворостиной золу расшурует,
Отпустив золотые бразды,
И к рассвету, глядишь, расшифрует
«Чёрный ящик» упавшей звезды...

* * *

Оперенье, нарощенье
На заплечии...
Исполать, отягощенья
Человечии!

Возрастают до вершины
От изножия.
Женщины мои, мужчины –
Люди Божии!

Обнимать без отторженья –
Служба истая.
Это – жар самосожженья,
Это – чистое.

А душа взойдёт из праха –
Куда денется, –
Белошвея, тонкопряха,
Рукодельница.

* * *

От ячества,
от рвачества
помилуй и спаси!

А жизнь всё поворачивается
Вокруг своей оси.

В ногах её валяюсь -
Я хаоса боюсь.

И заново дроблюсь,
И снова исцеляюсь,
И целой становлюсь.

* * *

Я снова усну на молитве,
На имени чётном твоём,
И снова в душевной ловитве
Мы порознь ночь проведём.

И слёз моих ветер не вытер,
Преемник не выжег, пока
Ты носишь мой теннисный свитер,
Чья ткань и тонка, и крепка.

А я всё твоё износила
На долгие годы вперёд...
Мою окаянную силу
Мне утро с лихвою вернёт.

Я в коробе стану копать,
Где жизни накопленный лом...
Бессчётно я ранила пальцы
Тобой возвращённым кольцом.

СОДЕРЖАНИЕ

«Почему так долго и нестройно...»	6
«Господи, Тебе видней...»	7
Самолёт	8
«Никаких не вчиним неподобств...»	9
«Граждане Калé и Васильсурска...»	10
«Только будущий, сведущий знает...»	11
«Поворот ключа в замке...»	12
«Вместе и по одному...»	13
«Там не была...»	14
«...И охладела я великим охлаждением...»	15
«Я – здоровая, даже живая...»	16
«Без начала, без конечка...»	17
Соблазн	18
«Чтоб числили по отчеству...»	19
«До тебя семь вёрст не околица...»	20
«Жизнь – сужающаяся возможность...»	21
«Разверзается зимний Никола...»	22
«Природа кладёт запрет...»	23
«Зачем употребляют ложь?..»	24
«Женихи бегут к невесте...»	25
«...Итак, продолжим плаванье, скитанье...»	26
«И нанялся дождь воды натолочь...»	27
«Осени хотелось – не воды...»	28
«Рапсодия звонка ночного!..»	29
«Уходя, возвращайся...»	30
«Просыпаюсь в час Дракона...»	31
Эндимион	32
«В молчании отчествована...»	33
«Вдова и невеста, ни разу – жена...»	34

«Втяну, привставши на носки...»	35
«Две супружеские пары...»	36
«В пустынных небесах седьмых...»	37
«Точно грешника в ад...»	38
«Ведёт нас тайна тайная...»	39
В пути	40
«Как на запах кошачьей мочи муравей...»	41
«Заздравный он был, вивальдический...»	42
«Когда этот облик откроется вам...»	43
«Кричит о бдении великом...»	44
«Надзора большая волна устрашилась...»	45
«Грех – это мера одиночества...»	46
«Чтоб ни в чём не возникло убытка...»	47
Прощенье	48
«От телефонной лжи до лжи постельной...»	49
«...Мы гуляем сверху донизу...»	50
«Спасибо, аскеза, система табу...»	51
«Мы плачем и не унимаемся...»	52
«Возникай, циркулярная мука...»	53
«Хочешь знать обо мне ещё больше? Изволь!...»	54
«Мне всё равно, с какого языка...»	55
«Нам не хватало на такси...»	56
«От прибрежной своей полосы...»	57
«Рук в мольбе тиарой не складывала...»	58
«Устами нанесённый алыми...»	59
«Я ни с чьим не спутаю этот рот...»	60
Это руки твои всё слышны...»	61
«В антракте, в провинции третий звонок...»	62
«И вроде с куклою в обнимку...»	63
«Средневекового мышленья...»	64
«...И станет когда-нибудь наоборот...»	65
«Безлошадный топтатель обочин...»	66
«Оперенье, нарощенье...»	67
«От ячества...»	68
«Я снова усну на молитве...»	69

Кудимова Марина Владимировна

Душа-левша

Оформление серии *Алина Новикова*
Компьютерная верстка *Татьяна Скубенко*

Подписано в печать 26.06.2014

Бумага офсетная

Формат 84 × 108/32

Гарнитура «Vtemeпа»

Усл. печ. л. 2

Тираж 200 экз.

Заказ № 415

ISBN 978-5-91366-863-9

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр. 1

тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru